

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, Мероприятие 1.1. Госконтракт № 14.740.11.0224.

Статья посвящена рассмотрению современных тенденций преобразования методологической культуры мышления. В ней исследуется теоретико-познавательная проблема, истоки которой обнаруживаются в развитии методологической рефлексии субъекта познания. Данная проблема связана с процессом освоения современным исследовательским сообществом нового типа методологической рефлексии. Работа над ней позволяет осветить недостаточно изученные аспекты проявляющейся в настоящее время познавательной ситуации.

Ключевые слова: методологическая рефлексия; теоретико-методологическая система координат.

Характерной особенностью формирующейся на современном этапе развития теоретического познания методологической культуры мышления является признание современным исследовательским сообществом¹ факта сосуществования в философии и науке концептуальных систем, которые опосредуют различное понимание одних и тех же явлений, процессов и при этом не исключают, но взаимодополняют друг друга. Вследствие этого современный исследователь должен научиться формировать достоверное знание в условиях сосуществования в теоретическом познании и взаимообогащения разных теоретико-методологических систем отсчета. Это предполагает качественное изменение требований к методологической компетентности субъекта познания. В данном случае со всей остротой проявляется тезис, сформулированный К. Поппером в его полемике с Т. Куном, – тезис, согласно которому предлагаемая Куном модель «нормального ученого» (т.е. теоретика, который, как правило, не тематизирует в процессе исследования собственные теоретико-методологические основания) есть не что иное, как образ методологически безграмотного исследователя [1]. То, что Кун характеризует в качестве особенностей «революционного» этапа развития конкретной науки, становится нормой теоретического познания и, соответственно, замещает прежние представления о «нормальной» науке и, шире, рационально ориентированной исследовательской деятельности.

В современной философии и науке происходит качественное преобразование методологической культуры мышления: меняются разделяемые исследовательским сообществом ориентиры познания, формы и способы организации, осуществления познавательного процесса, формируется новый субъект познания. При этом наблюдаемые изменения сопровождаются отсутствием «симметрии» между новыми представлениями о структуре и особенностях познавательного процесса и применяемыми на практике навыками исследовательской деятельности. Складывающиеся представления о процессе познания реализуются сегодня с опорой на логико-методологический аппарат, в значительной своей части наследуемый в качестве «реликтов» предшествующего типа методологической культуры мышления.

В этом плане проблема концептуализации субъектом познания теоретико-методологических оснований исследования становится актуальной в связи с повышением требований к методологической компетентности субъекта познания и, как следствие, с проявлением

ситуации, в которой исследовательское сообщество с готовностью признает справедливость соответствующих требований, но при этом зачастую не имеет возможности реализовать их на практике. В данном случае декларируемые представления о структуре и особенностях развития теоретического познания (в различных масштабах его проявления) вступают в противоречие с реальной исследовательской деятельностью. Причем подобное противоречие имеет место не только и даже не столько в отношении сопоставимости построений современных эпистемологов и концептуализируемой ими деятельности ученых, сколько в отношении сопоставимости представлений, составляющих методологическое сознание науки и философии, с одной стороны, и имеющихся в распоряжении исследователей навыков и инструментов познания, логико-методологического аппарата – с другой.

С точки зрения философии науки эта проблема связана с поиском «среднего» пути между Сциллой релятивизма и Харибдой редукционизма – поиском пути развития научной рациональности в условиях методологического плюрализма², признания социокультурной обусловленности познавательного процесса, что, в конечном счете, сводится к проблематике «соизмеримости концептуальных каркасов» и, в частности, проблеме «семиотических (метаязыковых) иерархий». Речь идет о том, что, с одной стороны, с точки зрения эпистемологических принципов, укоренившихся в науке и философии XX в., субъект познания не способен концептуализировать основания исследования, сохраняя за ними статус собственных теоретико-методологических оснований, а с другой – принципиальная возможность подобной концептуализации полагается критерием рациональности соответствующего акта познания.

Этот эпистемологический парадокс связан со склонностью концептуализировать знание по аналогии с объектами изучаемой наукой действительности. Принципы, определяющие позицию исследователя, фиксируются в подобном случае в качестве идеальных объектов, подлежащих описанию точно так же, как идеальные объекты, моделирующие конкретные явления и процессы. А это означает, что для их концептуализации необходимо осуществить «опредмечивание» теоретико-методологических оснований, превратив их в объект исследования и, таким образом, заняв позицию, основаниями которой становятся совсем другие (не те, что концептуализируются) принципы и категории. К примеру, характеризуя собственную позицию,

исследователь нередко ссылается на ту или иную традицию, научную школу, направление, парадигму и начинает описывать основополагающие особенности последней: не *свои* основания как субъекта познания, а основания той научной традиции, которой он обязуется следовать в ходе познавательной деятельности. И это настолько естественно, что «непонятно», в чем, собственно, различие между «своими основаниями» и «основаниями принимаемой исследователем (сообществом) традиции». В этой связи необходимо отметить, что в случае акцентирования *оснований* разницы, действительно, нет. Однако здесь акцент делается не на теоретико-методологических основаниях, а на процессе их *концептуализации*. И в таком случае ссылка на разделяемую исследователем (сообществом) интеллектуальную традицию отнюдь не является оптимальным решением. Это становится очевидным, если принять во внимание, что ссылка на существующую традицию и работа с теоретико-методологическими основаниями исследования на уровне построения, идентификации собственной системы координат – это познавательные акты, действующие принципиально разные типы методологической рефлексии субъекта познания. Для того чтобы разобраться, в чем их различие, понять те качественные изменения, которые происходят сегодня в развитии методологической культуры мышления, необходим экскурс в историю.

Тенденции формирования теоретического мышления в интеллектуальной культуре Античности

Возникновение культуры теоретического мышления, отмечает П.П. Гайденко, связано с появлением первых научных программ в Древней Греции [2. С. 14, 15]. Становление и развитие научных программ, философских концепций Античности уместно характеризовать как процесс формирования основ рационалистической культуры мышления, которая является безусловным достоянием человеческого сообщества и в которой впервые возникает проблема обоснования знания. Начальный шаг в этом процессе был сделан ранними натурфилософами и пифагорейцами. Именно в их творчестве впервые появляются признаки теоретической мысли, связанные с ее умозрительностью и доказательностью. Хотя стоит признать, что мысль исследователя тогда еще не имела той логической строгости, которая постепенно вырабатывается в ходе развития интеллектуальной культуры Античности. Следующий шаг в развитии теоретической мысли связан, главным образом, с элейской школой и деятельностью софистов. Причем если благодаря элейцам впервые возникает вопрос о соотношении мышления и бытия, соответственно, процесс познания становится предметом рефлексии, то усилиями софистов исходная ориентация на прояснение основополагающих понятий, критику предшествующих философских концепций превращается в парадигму развития мысли, становится образцом интеллектуальной культуры.

Вместе с тем софисты были практиками и теоретиками «красноречия», а не умозрительного познания. Драма противоречий между софистами и их оппонен-

тами – это не столько дискуссия между различными представителями или течениями в структуре философской мысли Античности, сколько мировоззренческий спор между разными сферами интеллектуальной культуры того времени. Греческие софисты – ремесленники прагматически настроенной мысли. И в этом заключаются в равной мере сила и ограниченность античной софистики как явления. Она, с одной стороны, смогла занять место в ряду важнейших факторов становления культуры теоретического мышления, явившейся одним из ключевых достижений Древней Греции, а с другой – осталась в стороне от теоретического познания, критикуя не столько даже отдельных философов, сколько само явление умозрительной философии [3. С. 581–603]. В этом качестве софистика стала импульсом для той конструктивной работы, которая по определению не могла быть выполнена софистами, хотя и была опосредована их критическими интенциями.

Формирование теоретического мышления как феномена требовало не просто построения процедур развития мысли. В античной культуре происходило формирование ниши, в рамках которой становилось возможным дальнейшее развитие теоретического познания. Теоретическое сознание греков развивалось в жесткой оппозиции по отношению к мифологическому сознанию. А это, кроме всего прочего, означало постепенное вытеснение мифологической картины мира и замену ее новыми представлениями. Но эти представления необходимо было сформировать и обосновать. В этом смысле софистика стала импульсом для той конструктивной работы, которая по определению не могла быть выполнена софистами, хотя и была опосредована их критическими интенциями. Подобно тому как на ниве апорий Зенона формируется познавательный интерес Демокрита с его стремлением обосновать возможность истинного знания, противопоставленного знанию мнимому, с его анализом субъективного характера ощущений и чувственного восприятия вообще, так в лоне софистики зарождается гений Сократа – гений *философа*, альфой и омегой творчества которого становится интерес к исследованию сознания в качестве умопостигаемого феномена.

Фигура Сократа – это, своего рода, Рубикон, граница, разделяющая два качественно различных этапа формирования культуры теоретического мышления. Если досократовский период развития греческой мысли был этапом подготовки нового качества – от ранних натурфилософов и пифагорейцев, через достижения Парменида, Зенона и Демокрита к плодам просветительской деятельности Протагора, Горгия и других выдающихся критиков интеллектуальной традиции, – то ученик Сократа, Платон, уже является *носителем* этого нового когнитивного качества.

Здесь принципиально важно, что обоснование путей достижения истинного знания начинает рассматриваться в качестве важнейшей составляющей теоретического познания. При этом обращение к подобной рефлексии не просто становится фактом теоретической мысли, но осознается Платоном, Аристотелем, другими античными представителями послесократовской философии в качестве важнейшего достижения интеллектуальной культуры. В данном контексте происходит формирова-

ние инвариантных структур методологической культуры мышления и, в частности, представления о том, что методологическая рефлексия является неотъемлемым атрибутом теоретического познания. Тип методологической рефлексии, способы ее осуществления варьируются и среди современников на том или ином этапе развития философии, науки и, тем более, по ходу исторического процесса, однако функция подобной составляющей теоретического познания сохраняется неизменной будучи одним из краеугольных камней «европейской рационалистической традиции» [4] в целом.

С.С. Аверинцев характеризует сформированную в Античности культуру теоретического мышления следующим образом: «Тот первый тип европейского рационализма, который был подготовлен досократиками, шумно и с вызовом заявил о себе во всеуслышание у софистов и окончательно выяснил собственные основания в творчестве Аристотеля, затем сохранял фундаментальное тождество себе до времен Декарта... От всех предшествовавших ему состояний мысли и форм познания его резко отделяло наличие методической рефлексии...» [5. С. 337, 338]. Ученый определяет его в качестве «дедуктивного рационализма». Последний уместно характеризовать как культуру теоретического мышления, в основе которой лежит «традиционалистский» тип методологической рефлексии, свойственный для созерцательного познания – познания, ориентированного на постижение завершенного в своем бытии космического Порядка. Сам процесс подобного постижения предполагает открытие устойчивых, как само Мироздание, путей достижения истины. В этом плане рефлексия субъекта познания не зря характеризуется С.С. Аверинцевым как «методическая рефлексия». Она имеет ярко выраженный операционный характер. Мыслители того времени фокусировали свое внимание на процессе следования правилу. Традиционализм мифологического сознания, по С.С. Аверинцеву, сменился усилиями античных мыслителей «рефлексивным традиционализмом», в рамках которого исследователь отдает себе отчет в способах осуществления познавательного процесса, осознанно принимает определенные нормы мышления и осуществляет рефлексивный контроль за движением собственной мысли, рассматривая корректность аргументации, «правильность» доказательств, отчетливость формулировок и логическую строгость суждений в качестве условий достижения истины. Критерием истины становится сформулированный Аристотелем «закон противоречия». Его соблюдение служит канонem теоретического мышления, определяющее влияние которого на развитие философии и науки сохраняется в течение долгих тысячелетий. Однако «закон противоречия» ничего не говорит о концептуальных основаниях познавательного процесса. А точнее, в нем формулируется парадигма мышления, требующая нерефлексивного принятия постулатов, служащих предельным основанием, первым «звеном» дедуктивной последовательности формально-логических построений. «Дедуктивный рационализм», в котором методологическая рефлексия субъекта познания ориентирована на соблюдение «закона противоречия», требует догматического постулирования оснований познания [5. С. 124–127].

Таким образом, Античность сформировала культуру теоретического мышления, остоном которой стал *операционный* (или методический, традиционалистский) тип методологической рефлексии. Доминирование последнего определяло развитие познавательного процесса вплоть до Нового времени. Как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, структура теоретической мысли Античности усваивается Средневековьем и сохраняется неизменной в своих основных чертах до «второй интеллектуальной революции» (эпоха Нового времени) [5. С. 340], которая ознаменовала собой качественно новый этап развития теоретического познания.

Развитие методологической культуры мышления в эпоху Нового и Новейшего времени

Наиболее важным с точки зрения развития теоретического познания достижением, которое качественно отличает методологическую культуру мышления в эпоху Нового времени от всего того, что ей предшествовало, является формирование нового типа методологической рефлексии, формирование стиля мышления, сделавшего возможным появление экспериментальной науки. Речь идет о *предметно-теоретическом* типе методологической рефлексии, предполагающем концептуализацию оснований познания на уровне принципов конституирования философской (научной) системы. Данный тип методологической рефлексии уже не ограничивается контролем над операционной, формально-логической структурой аргументации, доказательства, как это было прежде. Исследователь на данном этапе обращается к параметрам конституирования системы координат познавательного процесса. По сути, речь в данном случае заходит о рассмотрении оснований познания, их логической разработке в качестве принципов построения определенной концептуальной системы, что в условиях доминирования в структуре теоретической мысли операционного типа методологической рефлексии было даже не столько недостижимо, сколько просто *немыслимо*. Как Античность, так и Средневековье разрабатывают свои учения в логике *приобщения* к онтологически заданному порядку вещей. Любой рассматриваемый исследователем принцип автоматически превращается в закон бытия. Мыслители даже не допускают возможности конструирования в рамках теоретического познания. Теоретик, строго говоря, не является в данном случае субъектом формирования концептуальной системы. Он принимает на себя роль посредника, выразителя того, что сокрыто от праздного взгляда. В этом смысле он несет ответственность за правильность аргументации, четкость формулировок, точность суждений и в то же время не отвечает за истинностные характеристики основополагающих для его теоретической позиции представлений и принципов. Его теоретическое сознание не способно (не готово) идентифицировать подобные основания в качестве объекта методологической рефлексии.

В противоположность этому Р. Декарт как один из основоположников предметно-теоретического типа методологической рефлексии уже может позволить себе в «Трактате о свете» формировать *модель* мироустройства на основе методологически (а не онтологи-

чески) трактуемых принципов, т.е. осуществлять мыслительный эксперимент, опосредованный идеальной конструкцией, которая осознанно разрабатывается в качестве теоретико-методологической модели – искусственного объекта. На данном этапе исследователь начинает работать с идеальными объектами, сложными абстрактно-логическими образованиями, осознавая себя в качестве субъекта их конструирования. Появляется субъект познания, способный вычленив методологическое содержание познавательного процесса, осуществляя концептуализацию оснований познания на уровне принципов построения разрабатываемой им теоретической системы. Ничего подобного теоретическое познание прежних эпох не знало.

С точки зрения рассматриваемой в статье проблематики происходящая в Новое время трансформация культуры теоретического мышления представляет собой следующий по значимости (после «интеллектуальной революции» Античности) шаг на пути формирования познавательной ситуации, в которой задача концептуализации субъектом познания теоретико-методологических оснований исследования становится актуальной для изучения эпистемологической проблемой. Так, если в рамках античной культуры теоретического мышления впервые возникает осознание востребованности обоснования знания, поиска надежных путей движения к истине, то в новоевропейском мышлении подобное осознание перерастает в «проблему обоснования». Требуемая решения задача оказывается разрешимой несколькими взаимоисключающими друг друга способами, т.е. не имеет однозначного решения, что и превращает ее в эпистемологическую проблему, к которой исследователи вынуждены вновь и вновь возвращаться, чтобы попытаться найти ее окончательное решение или хотя бы определить собственную позицию в отношении названного вопроса.

Античные философы (прежде всего Платон и Аристотель) работали над вопросом «обоснования», ориентируясь на открытие универсального метода доказательства, который служил бы *канонам* теоретического мышления. В этом заключается парадоксальность интеллектуальной культуры Античности. Она вырастает на основе критико-рефлексивной методологической установки и в то же время является традиционалистской по своей сути. Как следствие появление в античной философии разных способов обоснования знания, каждый из которых основан на логически выверенной концептуальной системе, служит условием возникновения «проблемы обоснования»; в то же время доминирующий в данном контексте операционный тип методологической рефлексии «консервирует» данную проблему, не дает импульса развитию критики по поводу предельных оснований познания. Движение теоретической мысли оказывается ограниченным рамками формально-логического канона, исключающего возможность рефлексии по поводу принципов конституирования системы координат познавательного процесса – требующего их догматического принятия. И только в эпоху Нового времени «проблема обоснования» (в той форме, в которой она возникает в заочной полемике Платона и Аристотеля) возрождается вновь, проявляя собой устойчивый интерес исследователей к процессу концептуализации оснований

познания, которые на данном этапе уже не принимаются догматически, но требуют скрупулезного обоснования и, соответственно, разработки когнитивных стратегий решения подобной задачи.

При этом необходимо отметить, что проблема обоснования представляет интерес в силу того, что она опосредует проявление концептуальной ниши, в которой уже в современном познании возникает проблема концептуализации субъектом познания теоретико-методологических оснований исследования. Здесь стоит заострить внимание на том обстоятельстве, что процесс концептуализации оснований познания приобретает ту или иную направленность в зависимости от типа методологической рефлексии, который доминирует на соответствующем этапе развития теоретического мышления. А тип методологической рефлексии, определяющий особенности теоретического познания, в свою очередь, предполагает адекватный уровень развития субъекта познания, проявляющийся, в частности, в характере осознания им себя в качестве такового.

Так, доминирование операционного типа методологической рефлексии, что характерно для теоретического мышления Античности и Средневековья, предполагает концептуализацию оснований познания на уровне структуры аргументации, норм и правил выведения частных положений из общих посылок. Субъект познания в современном понимании на данном этапе еще не сформирован. Однако это не означает, будто работа в данном направлении не ведется. «Слепое», как может показаться, следование канону не исключает поступательного развития культуры теоретического мышления. П.П. Гайденко отмечает, что поздняя Античность и Средневековье не сформировали собственных исследовательских программ. С.С. Аверинцев утверждает, что развитие философии и науки в этот период характеризуется «мрачным словом «стагнация», теоретическое познание развивается по инерции, а культура мышления сохраняется в основных своих чертах неизменной. Все это так. Однако в то же время мыслители поздней Античности и Средневековья проявляют невиданный прежде интерес к исследованию духовного мира человека. И это становится важнейшей предпосылкой формирования (в последующие эпохи) нового типа методологической рефлексии и, соответственно, качественного преобразования культуры теоретического мышления – предпосылкой формирования субъекта познания, осознающего себя в качестве активного, созидającego начала, в качестве творца и, следовательно, источника познавательного процесса³.

В этом контексте происходит формирование *научной* рациональности. Наука как феномен культуры начинает приобретать статус доминирующей формы познания. Большое значение в этом процессе имеет усиление «конструктивного» начала в теоретическом познании. Конструирование и эксперимент становятся неотъемлемыми составляющими научной и философской мысли Нового времени. На данном этапе исследователь начинает работать с идеальными объектами, сложными абстрактно-логическими образованиями, осознавая себя в качестве субъекта их конструирования. Речь идет о субъекте, способном вычленив методологическое содержание познавательного процесса, осуществляя концептуализацию оснований познания

на уровне принципов построения разрабатываемой им теоретической системы. Подобная способность проявляет новый, *предметно-теоретический*, тип методологической рефлексии.

Для того чтобы понять значение данной трансформации в отношении развития теоретического познания, необходимо отметить: формирование культуры «предметно-теоретической» рефлексии субъекта познания – рефлексии по поводу принципов конституирования разрабатываемой исследователем концептуальной системы – впервые делает возможной идею *проверки на истинность* той или иной научной теории. Сама идея подобной проверки, вне зависимости от конкретных способов ее реализации, становится возможной исключительно за счет осознания исследователем себя в качестве субъекта, формирующего проверяемую теоретическую систему. Характеризуемые черты познавательного отношения не имеют аналогов в теоретическом мышлении Средневековья и более ранних эпох будучи принципиально важным достижением Нового времени – достижением, которое было подготовлено в том числе мыслителями и естествоиспытателями Возрождения.

На данном этапе формируется познавательное отношение, основанное на оппозиции субъекта и объекта познания, которая становится ядром теоретико-познавательной проблематики на весь классический период развития философии и науки. Здесь формируется субъект, способный противопоставить себя объекту и при этом обнаруживающий основания подобного противопоставления в структуре осуществляемой им познавательной деятельности: в этом суть тезиса, согласно которому критерием объективности научного знания является использование ученым точного (надежного) научного метода.

Мыслители Нового времени огромное внимание уделяют разработке универсального метода познания. При этом подобный метод рассматривается ими в качестве *инструмента* концептуализации предельных оснований познания. Сам он подобным основанием не является. Исследователи начинают разрабатывать методологические стратегии, которые идентифицируются в качестве искусственно созданных способов постижения мира. Они могут основываться на законах мышления, но сами по себе не являются таковыми. То же самое относится к методологическим принципам и теоретическим представлениям, которые идентифицируются в качестве орудий познания.

Предшествующая «парадигма» теоретического мышления («дедуктивный рационализм» в терминологии С.С. Аверинцева) придавала устойчивость познавательному отношению за счет субстанциональной трактовки формально-логического канона. Теоретико-методологические образования (будь то принципы познания, рассматриваемые в качестве законов мышления, или дефиниции, трактуемые как суть вещей, учения, в которых «просвечивает» само бытие) в этом случае были «свободны» от произвола конкретного индивида и его субъективных ощущений, переживаний и устремлений. Канон как мерило адекватности теоретических построений служил основанием познавательного процесса. Метод, трактуемый как закон мышления, придавал устойчивость позна-

вательному отношению, обеспечивал воспроизводимость сформировавшейся культуры мышления.

Проявление инструментальной трактовки теоретико-методологических образований требовало поиска иных точек «фундирования» познавательного процесса. При всем стремлении Р. Декарта, Ф. Бэкона, Г. Лейбница и ряда других выдающихся исследователей разработать универсальный метод познания (и во многом благодаря этому стремлению) методологический пласт познавательного процесса становится все более и более подвижным. И это естественно, коль скоро исследователь начинает осознавать себя в качестве субъекта *формирования* (а не открытия) методологических стратегий познания. В этом контексте фундаментом познавательного отношения становится не метод познания, а полюса субъект-объектной дихотомии. Соответственно, субъект и объект познания фиксируются в качестве константных элементов познавательного отношения. Проявляющийся на данном этапе идеал рациональности предполагает осознание исследователем себя в качестве носителя инвариантных структур мышления, занимающего позицию «отстраненного наблюдателя» по отношению к осуществляемой им познавательной деятельности, с одной стороны, и исследуемой реальности, воспринимаемой через призму механистической картины мира, – с другой. Доминирующий в этом контексте тип методологической рефлексии «позволяет» исследователю концептуализировать принципы конституирования собственного когнитивного горизонта в качестве предельных оснований познания, к которым, как полагают, сводятся методологические предпосылки любого исследования.

Однако по мере развития познавательного процесса постепенно формируется понимание того обстоятельства, что субъект познания исторически развивается точно так же, как и большинство изучаемых человеком объектов. А значит, и система координат, в пределах которой мысль исследователя обретает свое содержание, тоже не является константой, т.е. предельные основания познания оказываются «предельными» уже не в онто-гносеологическом плане, а в отношении той или иной теоретико-методологической перспективы. И хотя теоретическое познание изначально сопровождалось сосуществованием различных интеллектуальных традиций, каждая из которых представляла собой самодостаточную теоретико-методологическую систему координат, подразумеваемые процессы, тем не менее, вносят качественно новые изменения. В частности, «сосуществование» разных теоретико-методологических систем отсчета в условиях доминирования предметно-теоретического типа методологической рефлексии предполагало, что каждая из них самим фактом своего существования отрицает правомерность других. Они не идентифицировались субъектом познания в качестве *сосуществующих* теоретико-методологических перспектив. Система координат познавательного процесса идентифицировалась в этом случае в качестве «заданного порядка вещей», постижение которого требовало разработки разнообразных стратегий исследования, методов, концептуальных моделей, теорий, осознание исследователем себя субъектом теоретического конструирования, но который («порядок вещей») всегда был «задан» извне и по определению не являлся продуктом познавательного процесса.

Предпосылки возникновения познавательной ситуации, в которой данное положение дел претерпевает качественное изменение, связаны с развитием представлений об исторической и социокультурной обусловленности познавательного процесса, что весьма отчетливо показано П.П. Гайдено. Формирование подобных представлений осуществляется в ходе развития революционной по своей сути идеи И. Канта о том, что не структура познаваемой субстанции, а структура познающего субъекта определяет характер познания и предмет знания. Однако у Канта представление о внеисторическом характере разума все еще сохраняется неизменным. И только в XIX в. этот тезис ставится под сомнение, с одной стороны, французским позитивизмом, а с другой – послекантовским немецким идеализмом⁴. «Во второй половине XIX в., а особенно на рубеже XIX – XX вв., принцип историзма разума продолжал развиваться и углубляться: прежде всего в рамках марксистского материализма, а затем – у неогегельянцев и в исторической школе и параллельно в неокантианстве и философии жизни». Общим у этих школ «был отказ от гегелевского убеждения в возможности достигнуть абсолютного знания и признание исторической относительности всех форм человеческого разума» [6. С. 12].

Упомянутые процессы приводят к тому, что в современном теоретическом познании проявляется нехарактерный для Нового времени тип методологической рефлексии и, шире, культура теоретического мышления. В.С. Швырев отмечает в этой связи: «... современная рациональность – это, прежде всего, восприятие тех рамочных условий проблемной ситуации, в которых мы существуем... Мы начинаем анализировать... собственные рациональные установки... современная рациональность с этой точки зрения рефлексивна. Она... фиксирует возможность самого рационального подхода» [7. С. 123]. Субъект, осуществляющий концептуализацию оснований познания на уровне постановки вопроса о возможности рационального подхода как такового, уже не ограничивается в процессе исследования операционным и предметно-теоретическим типом методологической рефлексии. Охарактеризованная постановка вопроса связана уже не с принципами построения конкретной концептуальной системы, а с проблематикой сопоставления различных систем отсчета. Речь идет о *метатеоретическом* типе методологической рефлексии, доминирование которого на современном этапе развития теоретического познания предполагает повышение роли субъектной составляющей познавательного процесса. Это этап, в пределах которого субъект познания в лице отдельных исследователей и соответствующих профессиональных сообществ начинает осознавать себя в качестве субъекта формирования теоретико-методологической системы координат, в рамках которой критерии научности, рациональности, адекватности исследовательской деятельности (и опосредованных ею результатов познания) становятся содержанием методологической рефлексии, обретают методологический смысл. Естественным следствием этого становится формирование идеала рациональности, который предполагает восприятие многосоставности теоретико-методологического пространства научных и философ-

ских исследований в качестве условия развития познавательного процесса.

Эта тенденция весьма отчетливо прослеживается на примере зависимости между работой в области построения неклассических логик и готовностью современного исследовательского сообщества принять ситуацию сосуществования различных стратегий обоснования математики; зависимости между конвенционалистскими исследованиями Пуанкаре в области математики и релятивизацией физики (в смысле принятия исследовательским сообществом принципа дополнителности Н. Бора); зависимости между исследованиями по проблемам классификации последних десятилетий⁵ и постепенным распространением принципов методологического плюрализма в таких дисциплинах, как биология, геология, география; наконец, на примере зависимости между эпистемологическими исследованиями, в которых на материале естествознания выявляется наличие в методологическом сознании науки конструктивистской методологической установки (со всеми вытекающими из этого следствиями), и изменением отношения обществоведов, гуманитариев к факту сосуществования и взаимообогащения в их науках разных теоретико-методологических систем отсчета.

* * *

Принимая во внимание сказанное, становится понятным, почему в теоретическом познании, ориентированном на идеалы классического естествознания, охарактеризованное в первой части статьи понимание проблемы концептуализации теоретико-методологических оснований исследования даже не возникает. Опора на операционный и предметно-теоретический типы методологической рефлексии предполагает подмену (ограничение) процесса концептуализации теоретико-методологических оснований исследования экспликацией методологических предпосылок, принимающей форму определения исследователем своей принадлежности конкретной школе, течению, направлению в структуре теоретического познания. Признавая за собой принадлежность некоторому исследовательскому сообществу, теоретик принимает (явно или подспудно) на себя обязательства следовать научной (философской) традиции, принципы которой разделяются этим сообществом. И если допустить, что система координат, в пределах которой осуществляется познавательный процесс, – константа, подобная практика оказывается вполне эффективной. А это означает, что задача концептуализации субъектом познания *своих* оснований не является здесь проблемой. Она не актуальна для рассмотрения в данной форме ее проявления, поскольку фокус эпистемологической проблематики прикован в этом случае к проблеме поиска предельных оснований познания, которая перекрывает собой все вопросы «концептуализации оснований». Именно в этой логике разворачиваются картезианская методологическая программа, теория познания И. Канта, равно как и методологическая линия английского эмпиризма (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк).

Однако в современном познании подобное решение задачи становится недостаточным. Современная эпи-

стемология и философия науки приходит к осознанию того обстоятельства, что процесс познания развивается в условиях *сосуществования* в современной философии и науке концептуальных систем, которые опосредуют различное понимание, интерпретацию, объяснение одних и тех же явлений, процессов. На данном этапе множественность теоретико-методологических систем отсчета рассматривается уже не как проблема, требующая решения в духе редукции существующих позиций к единственно верной трактовке, в основе которой лежит универсальная система координат, а как методологическая задача обеспечения их (систем отсчета) сосуществования и взаимодействия. В этих условиях субъект познания должен научиться работать с критериями, идентифицировать параметры своего когнитивного горизонта и, что не менее важно, осознанно изменять фокус рассмотрения изучаемого предмета.

Освоение современным субъектом познания навыков методологической рефлексии по поводу соотношения различных познавательных горизонтов – рефлексии, связанной с концептуализацией параметров теоретико-методологического пространства исследования, предполагает появление в фокусе теоретического познания нового эпистемологического образования, которым является *теоретико-методологическая система координат*. И.Я. Лойфман пишет по этому поводу: «Существование в науке общеметодологических концепций, возвышающихся над уровнем конкретнаучных теорий и направляющих процесс познания, признавали многие крупные естествоиспытатели. На основе анализа механизма научного познания были выдвинуты однопорядковые представления о научной картине мира (М. Планк, А. Эйнштейн), стиле научного мышления (М. Борн), логике естествознания (В.И. Вернадский), грамматике науки (Я.И. Френкель), научных парадигмах (Т. Кун) и др.» [8; 9. С. 66]. Современная эпистемология и философия науки прибавляет к этим «однопорядковым представлениям» такие формы концептуализации, моделирования подобного эпистемологического образования, как «метафизическая исследовательская программа» (К. Поппер), «языковая игра» (Л. Витгенштейн), «концептуальный (языковой) каркас» (Р. Карнап), «когнитивная модель» (Дж. Лакофф), «логическая сетка» (Е.Л. Смирнова), «логико-культурная доминанта» (Г.В. Сорокина) и пр. В этом плане теоретико-методологическая система координат как объект исследования весьма обстоятельно изучена под самыми разными углами рассмотрения. Однако результаты подобных исследований разрознены и в большинстве случаев носят описательный характер. Эти исследования, как правило, связаны с выявлением той или иной формы проявления подобного образования. Их результаты фиксируют сам факт его существования, а также значение данного факта с точки зрения развития познавательного процесса. Исследуются место, функции, особенности теоретико-методологической системы координат.

Здесь наблюдается интересная закономерность: продукт проявления в теоретическом познании формирующейся сегодня методологической культуры мышления исследуют при помощи логико-методологического аппарата, сформированного на предшест-

вующем этапе развития теоретического познания. Как следствие теоретико-методологическая система координат, рассматриваемая в качестве парадигмы, научно-исследовательской программы, интеллектуальной традиции и пр., реконструируется в плоскости «объективированного» знания как теоретико-методологическое образование, взятое безотносительно к субъекту познания. Исследователи в подобном случае отвлекаются от того обстоятельства, что названное теоретико-методологическое образование представляет собой форму проявления определенным образом организованной методологической рефлексии субъекта познания. А это означает, что как раз те методологические навыки, освоение (и обоснование) которых становится доступным в перспективе исследования теоретико-методологической системы координат, оказываются на периферии соответствующих теоретико-познавательных изысканий.

Эта тенденция отчетливо проявляется на примере сложившейся в эпистемологии и философии науки XX в. традиции изучения вопросов сопоставимости «концептуальных каркасов». В этом контексте определенный интерес представляют работы Р. Карнапа, К. Айдукевича, Б. Уорфа, В. Куайна, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Л. Лаудана, К. Поппера, Д. Дэвидсона. Среди работ отечественных исследователей интересны труды П.П. Гайденоко, В.С. Степина, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкого и некоторых других авторов.

Возникает вопрос, существуют ли в современной эпистемологии и философии науки исследования, в которых данная проблематика получает развитие, делаются ли новые шаги в изучении соответствующих вопросов или же дальше «проблемы соизмеримости» (на уровне принятия или отрицания соответствующих эпистемологических принципов) исследования по этой тематике не идут. Работа в этом направлении, безусловно, ведется. Здесь определенный интерес представляют исследования, осуществляемые в русле синергетической парадигмы (В.И. Аршинов), логико-эпистемологические исследования (Е.Д. Смирнова, В.К. Финн), зарубежные работы по аналитической философии (Н. Гудмен, Х. Патнэм, К.-О. Апель, Дж. Лакофф), а также отечественные исследования, посвященные особенностям развития (научной) рациональности (В.С. Швырев, В.Н. Порус, Л.А. Микешина и др.). Анализ соответствующих работ позволил сформулировать проблему концептуализации теоретико-методологических оснований исследования. В то же время систематического изучения самой проблемы в философской литературе не обнаружено. И это является дополнительным аргументом в пользу обращения к ней как к предмету, специально посвященному этому вопросу эпистемологического исследования.

Итак, предлагаемая постановка вопроса значима в силу того, что способствует пониманию происходящих в теоретическом познании процессов преобразования методологической культуры мышления; позволяет выявить ряд эпистемологических парадоксов, связанных с изменением идеала рациональности, и наметить пути преодоления соответствующих методологических трудностей. Одним из путей преодоления этих трудностей

является разработка интерналистских (в терминологии Х. Патнэма) стратегий развития теоретического познания, способствующих реализации принципов субъектности, социокультурной обусловленности познания, дополнительности (Н. Бор) теоретико-методологических систем отсчета. В данном случае существование в теоретическом познании множества зачастую несводимых друг к другу методологических позиций, теоретических представлений (и легитимация данного положения дел), несмотря на сопутствующие данному обстоятельству

трудности, оказывается не столько свидетельством кризиса в современной философии и науке, сколько предпосылкой обогащения методологической культуры мышления. С точки зрения эпистемологического исследования это предполагает конструктивную интерпретацию происходящих в теоретическом познании процессов, что, по мнению автора, способствует преодолению негативистских тенденций в анализе наблюдаемых в современной философии и науке тенденций преобразования (научной) рациональности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Не только философами, но и представителями конкретной науки (в той мере, насколько они уделяют внимание теоретико-методологической проблематике развития познавательного процесса).
- ² Речь идет о плюрализме методологических направлений, позиций, стратегий исследования.
- ³ Сопутствующие этому мировоззренческие трансформации хорошо показаны П.П. Гайденко (см.: [2. С. 426, 427; 512, 513]).
- ⁴ Правда, как О. Конт, так и Г. Гегель рассматривали историчность разума ретроспективно, утверждая, что достигнутые ими «вершины» знаменуют наивысшее состояние разума, в котором он пришел к созданию истинной науки.
- ⁵ В этих исследованиях все отчетливее эксплицируется конструктивистская методологическая установка с сопутствующим ей переосмыслением проблематики естественных таксономий (см., напр.: [8]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поппер К.* Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. С. 525–538.
2. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980.
3. *Мудрагей Н.С.* Философия: трудности становления и путь // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
4. *Сёрль Дж.* Рациональность и реализм: Что поставлено на карту? // Путь. 1994. Вып. 6. С. 192–217.
5. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996.
6. *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. *Швырев В.С.* Берега рациональности: Беседа с В.С. Швыревым // Вопросы философии. 2004. № 2.
8. *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986.
9. *Лойфман И.Я.* Мировоззренческие штудии: Избранные работы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 2 апреля 2010 г.